

Глава 4

— Немедленно осмотрите здесь всё.

Покинув покои, князь вовсе не собирался принимать ванну. Сохраняя на лице холодное бесстрашие, Жун Чжао подозвал своих людей.

Подчинённые исполнили приказ со всей возможной расторопностью. Спустя короткое время один из них доложил:

— Ваше Высочество, в комнате не обнаружено никаких следов постороннего вмешательства. Ни тайников, ни ловушек.

Жун Чжао медленно поднял взгляд:

— Вино, чаши, те многочисленные сладости... Вы хотите сказать, что нигде нет и следа яда?

— На данный момент ничего подозрительного выявить не удалось, — почтительно склонился страж.

— Вот как... — князь на мгновение задумался, глядя в пустоту. Затем, вернувшись к реальности, коротко распорядился: — Смените караул. Пусть за этим человеком следят двое новых Аньвэй.

Он лично убедился в том, что Чжу Цзылин не прятал ничего в одежде. Тот свёрток в промасленной бумаге, что был скрыт в паланкине, скорее всего, уже давно исчез в желудке юноши. Даже если у ванфэй и были дурные намерения, он явно не собирался травить хозяина дома в первый же вечер.

Однако князя занимало другое. Он прощупал даньтянь супруга — тот не владел и каплей внутренней энергии. Каким же образом он раз за разом обнаруживал скрытых Тёмных стражей?

Взгляд Жун Чжао потяжелел.

Стражник принял приказ, но перед тем как уйти, замялся и спросил:

— Ваше Высочество, прикажете убрать сладости со стола?

Князь уже готов был велеть выкинуть всё это вон, но в памяти внезапно всплыло обиженное лицо юноши. Слова, сорвавшиеся было с губ, замерли.

Он промолчал, лишь едва заметно повёл плечом.

Чжу Цзылин и не подозревал, что, пока он нежился в воде, Жун Чжао успел изучить его подноготную. Поведение князя казалось ему верхом странности.

Прохлада, исходившая от длинных пальцев супруга, всё ещё ощущалась на коже, словно фантомный след. Юноша поспешно нырнул в ванну, стараясь смыть это липкое, непривычное чувство.

«Интересно, что за муха его укусила? В прошлой жизни никто и словом не обмолвился, будто Ли-ван предпочитает мужчин»

Зато слухи о «тайном недуге» нового императора ходили повсеместно, уступая в популярности лишь рассказам о его кровожадности и жестокости. В Великой Ци законы позволяли правителю принимать мужчин в свой гарем, однако те не могли претендовать на высокие титулы, не становились Хуанхоу и не имели права на наследников, дабы избежать их вмешательства в государственные дела.

Разумеется, если бы император питал склонность к мужской красоте, ничто не мешало ему окружить себя прекрасными юношами и раздавать им ранги наложников. Но в прошлой жизни в гареме Жун Чжао не было ни души — ни женщин, ни мужчин, ни даже кошки или собаки. Это совсем не походило на поведение заправского любителя мужского пола.

Собственно, именно уверенность в мужском бессилии князя и подтолкнула Чжу Цзылина так легко согласиться на роль ванфэй. Конечно, теперь, когда в действиях Ли-вана проскользнуло нечто подозрительно похожее на желание разделить ложе, юноша не чувствовал раскаяния. Ради будущих пиров из сотни блюд он был готов закрыть глаза на такие мелочи.

«Если Жун Чжао действительно решит настоять на близости, я просто воспользуюсь иным»

В конце концов, он не женщина. Достаточно будет обмануть чувства князя, и не придётся ломать голову над тем, как явить миру несуществующее дитя.

Проблема была лишь в одном: этот человек был слишком непредсказуем. Постоянная смена настроений Жун Чжао мешала уловить идеальный момент для применения способности. К тому же, использование ментальных сил требовало огромных затрат энергии, что неминуемо вело к острому чувству голода. Юноша терпеть не мог голодать, а потому предпочитал прибегать к иному лишь в крайних случаях — или когда под рукой всегда была гора еды.

Вспомнив о сладостях в комнате, Цзылин начал мыться с удвоенной скоростью. Он искренне надеялся, что угощение ещё не унесли, и он успеет перехватить пару кусочков до возвращения

супруга.

К счастью, небеса услышали его молитвы. Когда он вернулся в опочивальню, Жун Чжао там не оказалось, а короба со сладостями всё так же стояли на столе. Более того, ему показалось, что они стали даже теплее, чем прежде.

Стоило двери закрыться, как Чжу Цзылин принялся за еду.

«Когда Жун Чжао придёт "почивать", мне будет уже не до перекусов»

Понимая, что этой ночью ему, скорее всего, придётся потратить немало сил на ментальные манипуляции, он ел с особым усердием, стремясь заранее восполнить будущие энергозатраты.

Однако шло время. Юноша доел последний кусочек, за окном забрезжил рассвет, а князя всё не было.

Чжу Цзылин, набивший живот до такой степени, что дышать становилось трудно, замер в недоумении.

«...»

«Он там ванну принимает или решил сварить из себя суп? Два часа прошло!»

От переедания в животе возникла тяжесть, и ему пришлось встать и приняться мерить комнату шагами, чтобы хоть немного разогнать кровь. Сделав пару кругов, он наконец осознал очевидное:

«Жун Чжао и не собирался возвращаться!»

Все эти слова о совместном сне были лишь очередной уловкой, пустой болтовнёй! Он вовсе не хотел с ним «спать»!

«Точно, он и вправду неспособен на это!»

Окончательно утвердившись в этой мысли, Чжу Цзылин почувствовал, как в душе закипает раздражение. Получалось, что супруг намеренно водил его за нос. И хотя юноша ничего не потерял, сама дерзость подобного поступка задевала за живое.

«Похоже, слухи о его жестокости могут быть преувеличены, но вот сплетни о мерзком характере и непредсказуемости — чистая правда! Неудивительно, что его никто не любит»

Цзылин мысленно хмыкнул и окончательно вычеркнул князя из списка «хороших людей».

Из-за тяжести в желудке он смог уснуть лишь глубокой ночью, растянувшись на мягком, роскошном красном ложе. Луна ласково заглядывала в окно, лёгкий ветерок приносил прохладу, а в саду в ночной тишине беззвучно распускались цветы магнолии.

Первый день после свадьбы подошёл к концу.

С того самого момента, как император издал указ о даровании Ли-вану супруга-мужчины, многие в столице затаили дыхание, гадая, как скоро с несчастным Чжу Цзылином случится беда.

Однако поместье князя Ли всегда славилось своей закрытостью, и новости оттуда просачивались крайне редко. Любопытствующие весь день ловили крупницы информации, но так и не узнали, как принял супруга суровый хозяин. Единственной громкой сплетней, облетевшей столичные кабаки, стало известие о том, что важные сановники и аристократы, приглашённые на пир, вернулись домой с раздутыми животами, а некоторые и вовсе уносили остатки еды в свёртках!

— Неужели на свадьбе Ли-вана подавали такие яства? Чтобы титулованные господа объедались до икоты и забирали обедки с собой?

— Да при чём тут вкус еды! Говорят, Ли-ван лично велел, чтобы ни одно блюдо не осталось на столах. А кто посмеет перечить князю? Пришлось беднягам есть через силу, пока не начали трещать по швам. Сами подумайте, разве эти вельможи деликатесов не видели, чтобы на обедки так зариться?

— Так вот оно что! Но зачем Его Высочеству понадобилось так издеваться над гостями?

— Кто ж его знает... Бедолаги чуть не лопнули, но всё равно не смогли осилить горы еды. Только когда управляющий поместья сказал, что лишнее можно забрать с собой, их наконец выпустили на волю...

Из-за непомерного переедания многие министры не смогли даже взобраться на коней. Кого-то увозили в паланкинах, кто-то ехал в карете, но большинство медленно брели к своим домам, нелепо прижимая к себе пакеты с остатками праздничного ужина. Это зрелище стало, пожалуй, самым обсуждаемым событием вчерашнего дня.

Чжу Цзылин не знал, что вчера он был не единственным, кого Жун Чжао заставил страдать от обжорства. Иначе он бы ещё яростнее обличал вредный характер своего супруга, любящего доставлять людям неудобства без всякой пользы для дела.

Поскольку лёг он поздно и съел слишком много, в это утро юноша проспал до самого часа дракона, не проснувшись, как обычно, от чувства голода. Открыв глаза, он не сразу сообразил, где находится, а когда вспомнил — тут же вскочил с постели.

Первым делом он хотел выяснить, где его завтрак. Распахнув двери, он обнаружил, что помимо двоих стражников на пороге стоит служанка. Увидев ванфэй, она низко поклонилась.

— Приветствую ванфэй. Меня зовут Жои, мне велено помочь вам с умыванием и одеванием.

Чжу Цзылин проглотил готовый сорваться вопрос о еде и вместо этого спросил:

— А где Чжоу Шэн, парень, что приехал со мной? Разве он не может помочь?

Жои покачала головой:

— Мне об этом ничего не известно, я лишь исполняю приказ. Вашего слугу управляющий мог направить на другие работы.

Юноша нахмурился. Неужели его людей намеренно решили изолировать? Он повернулся к стражнику:

— Чем сейчас занят Его Высочество?

Тот помедлил, прежде чем ответить:

— В это время князь обычно изволит завтракать.

Глаза Чжу Цзылина радостно блеснули.

— Передайте Его Высочеству, чтобы подождал меня! Я позавтракаю вместе с ним!

— Ах да, — спохватился он. — Вы же не можете покинуть пост? Тогда...

Он огляделся и, быстро выбрав цель, указал рукой:

— Пусть ходит тот, что прячется под карнизом!

Тёмный страж, затаившийся в тени крыши, едва не свалился от неожиданности. Когда он услышал, что Чжу Цзылин с первого взгляда обнаружил его коллегу, он не поверил, решив, что тот просто где-то оплошал. Но теперь, когда его самого ткнули пальцем, Аньвэй с тяжёлым

сердцем и нескрываемым изумлением спрыгнул вниз, чтобы принять поручение.

«Этот новый ванфэй только что беспокоился о своём слуге, а в следующее мгновение уже думает только о завтраке с князем? И почему он отдаёт приказы в такой манере?!»

Тёмные стражи не были обучены приукрашивать речи, они должны были передавать слова в точности, слово в слово. С таким самонадеянным тоном супруга... Его Высочество наверняка придёт в ярость.

Несмотря на дурные предчувствия, Аньвэй исполнил долг и, скрепя сердце, передал послание. Жун Чжао, выслушав его, нахмурился.

— Он снова тебя обнаружил?

Тайному стражу оставалось лишь кивнуть, обливаясь холодным потом под ледяным взглядом господина.

Жун Чжао хранил молчание, его лицо оставалось непроницаемым.

— И что именно он велел тебе передать?

Аньвэй, запинаясь, повторил слова юноши. Князь опустил веки, погружившись в раздумья. Ван Сяньхэ, стоявший рядом, не выдержал:

— Этот ванфэй... на что он вообще рассчитывает?

Авторитет Жун Чжао был так велик, что даже самые преданные вассалы не осмеливались вести себя столь фамильярно. А этот новоиспечённый супруг, похоже, съел сердце медведя и желчь леопарда — не прошло и суток с момента приезда, а он уже всеми силами набивается в компанию к князю. Словно и вовсе не боится смерти, раз позволяет себе требовать «объедки» или заставлять господина ждать завтрака.

Всё это выглядело как тщательно спланированная игра. Но если допустить, что Чжу Цзылин — шпион, подсланный к Жун Чжао с определённой целью, то его поведение не лезло ни в какие ворота. Во-первых, инстинктивный страх невозможно скрыть так безупречно. Во-вторых, любому лазутчику выгодно прикидываться обычным человеком, трепещущим перед грозным Ли-ваном, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Выходки же ванфэй были слишком вопиющими.

Если же он решил действовать от обратного, надеясь таким образом усыпить бдительность князя, то ему определённо не стоило выставлять напоказ свою способность с лёгкостью обнаруживать Аньвэй. Ведь одного этого факта достаточно, чтобы Жун Чжао не спускал с него глаз.

Логика рушилась с обеих сторон. Самое поразительное: согласно донесениям, Чжу Цзылин был заурядным сыном чиновника, «расписной подушкой», которую мачеха забила настолько, что у него не было ни единого шанса проявить себя. Откуда у такого человека взяться смелости вести себя так... бесцеремонно?! И уж тем более — как он находит Тёмных стражей?

Один раз можно списать на случайность, но дважды — это уже закономерность. Управляющий слишком хорошо знал силу мастеров из личной охраны князя. Он покосился на Жун Чжао и предложил:

— Ваше Высочество, этот человек подозрителен донельзя. Не лучше ли... схватить его и допросить как следует?

Жун Чжао слегка нахмурил брови, не спеша с ответом. Чжу Цзылин разительно отличался от того образа, который сложился у них после расследования. И теперь стало ясно, что он обладает некой силой, природу которой князь пока не мог осознать. Держать такого человека рядом — несомненная угроза.

Совет Ван Сяньхэ — взять ситуацию под контроль и выбить из юноши правду — казался самым разумным. Князь опустил взгляд на свои руки. Стоит ли так поступить?

Спустя мгновение Жун Чжао поднял голову и сухо обронил:

— Не спеши. Посмотрим, что он предпримет дальше.

Ван Сяньхэ был искренне удивлён. В юности Жун Чжао, терпя притеснения со стороны императрицы и её окружения, привык скрывать свои чувства. Но обретя власть над жизнью и смертью, он стал скор на расправу. Он не любил долгих игр и пустых интриг: если возникала проблема — её решали мечом, не тратя времени на то, чтобы дожидаться, пока враг сам выдаст себя. Но в этот раз он решил повременить.

Впрочем, управляющий быстро нашёл этому объяснение. Чжу Цзылин был ванфэй, дарованным самим императором, и вскоре им предстояло явиться во дворец. Если схватить его сейчас, это даст недоброжелателям лишний повод для нападок.

«Кто говорит, что наш князь жесток? Смотрите, как он рассудителен и осмотрителен», — невольно подумал старик.

Жун Чжао поднёс ложку каши к губам и, едва заметно поморщившись, проглотил её. Сделав ещё пару глотков через силу, он отложил ложку, явно потеряв всякий интерес к еде. Ван Сяньхэ тут же затревожился:

— Ваше Высочество, ну съешьте ещё хоть немного! Разве это еда? Если каша не по вкусу, может, отведаете булочек или сладостей? Скоро ехать во дворец, нельзя же на пустой

желудок...

В глазах Жун Чжао промелькнуло отвращение.

— Хватит. Боюсь, если я наемся сейчас, то во дворце меня просто вывернет наизнанку.

Управляющий тут же пожалел о своих словах. Прежде визиты к императору не вызывали у князя такой тошноты. Но сегодня это было не просто посещение — он должен был представить императору и императрице Цзян своего нового супруга. Неудивительно, что Жун Чжао был так раздражён.

Зная о старых обидах князя, Ван Сяньхэ не посмел больше настаивать. Он лишь вздохнул про себя, моля покойную императрицу Ци присмотреть за сыном, чтобы тот не губил здоровье, отказываясь от сна и пищи.

*

Пока Жои укладывала его волосы, Чжу Цзылин не мог думать ни о чём, кроме завтрака. Однако его размышления прервал приглушённый говор, доносившийся снаружи.

— Оказывается, князь и вправду не вредит своим супругам. Ванфэй цел и невредим, хотя уже провёл здесь ночь.

— Толку-то от того, что он жив! Разгневать Его Высочество — вот настоящая беда. Говорят, вчера князь даже не остался в брачных покоях. Разве ждёт ванфэй в будущем что-то хорошее?

— И то правда. Слышала я, он прождал в той комнате целую вечность... Эх, бедолага.

— А я о чём. Законный сын министра, красавец... Даже если и пришлось замуж выходить, мог бы найти партию получше. Угораздило же его попасть в поместье Ли...

В голове Чжу Цзылина мгновенно прервался парад из ста восьми видов изысканных завтраков. Слушая эти пересуды, он не чувствовал гнева, скорее — любопытство. Если Жун Чжао так страшен, откуда у этих слуг берётся смелость так открыто обсуждать его за глаза?

Брови Жои сошлись на переносице. Она быстро закрепила причёску и произнесла:

— Подождите мгновение, ванфэй. Я сейчас во всём разберусь.

Юноша лишь кивнул. Как он и ожидал, голоса за дверью тут же стихли. Однако спустя время вернулась не Жои, а другой слуга.

— У госпожи Жои возникли неотложные дела, я провожу вас к Его Высочеству, — подобострастно улыбнулся мужчина.

Чжу Цзылин смерил его взглядом и кивнул:

— Веди.

Этот человек лишь притворялся услужливым, на деле же в его взгляде сквозило явное пренебрежение.

«Впрочем, какая разница, — подумал юноша. — Лишь бы довёл до еды»

Но слуга оказался на редкость болтлив.

— Прежде не доводилось видеть вас вблизи, а сегодня я понял — ванфэй и вправду наделён редкой грацией и статью. Неудивительно, что император лично выбрал вас.

— Слышал я, в Императорском астрономическом управлении предсказали, что вы с князем — идеальная пара, самой судьбой предначертанная!

— Скажите, ванфэй, каково вам в нашем поместье?

Цзылин поначалу пропускал его едкие, полные скрытого подтекста замечания мимо ушей, не желая тратить силы. Но когда слуга стал идти всё медленнее, явно намереваясь затянуть путь ради праздной беседы, терпение юноши лопнуло.

— Не могли бы вы поменьше работать языком и поактивнее — ногами? — спросил он со всей серьезностью.

Ему хотелось поскорее добраться до лакомств, и неуклюжие попытки этого человека разыграть его совершенно не трогали. Слуга осёкся. Лицо Чжу Цзылина было совершенно спокойным, а вопрос прозвучал так бесхитростно, будто в нём не было и тени скрытого смысла.

Мужчина замялся, гадая, не раскусили ли его игру, но в конце концов решил, что ванфэй просто глуповат. Он притих и послушно повёл юношу дальше.

Когда они почти достигли цели, слуга заметно занервничал. Не доходя до дверей, он остановился и произнёс:

— Ванфэй, мы пришли. Я, пожалуй, пойду...

Договорить он не успел. Чжу Цзылин внезапно почувствовал неладное. Он резко обернулся: в его глазах стремительно рос блик серебристого света. Словно выпущенная из лука стрела, нечто летело прямо к нему, намереваясь в следующее мгновение пронзить его горло...

Зрачки юноши резко сузились.

<http://bllate.org/book/15829/1427995>